

И Г О Р Ъ, (1)

Г Е Р О И Ч Е С К А Я П Ъ С Н Ъ.

Любовь къ опечеспву зоветь, о Россы насъ!
Воспѣшь брань Игоря на древній предковъ гласъ,
Какимъ ихъ подвиги вѣщались знаменипы:
Да будущъ быпія и нашихъ лѣпъ открыты.
Но не дерзнемъ випійспивъ Бояновыхъ искать (2).
Когда Боянъ кого спремился воспѣвать,
Онъ мыслью по древамъ въ восторгѣ разпекался,
То сизымъ онъ орломъ подъ облаки взвивался,
То сѣрымъ волкомъ онъ носился по полямъ.
Изъ древнихъ повѣстей о помъ извѣстно намъ,
Чю къ почести Князей, которыхъ прославляли,
Имъ десяпъ соколовъ на лебедей пускали:
Чей прежде долеталъ къ предмету своему,
То воспѣвалася и прежде пѣснь тому,
Иль бодрому въ свой вѣкъ преклонный Ярославу (3),
Иль сановитому и храброму Мспиславу (4),
Которой на бою Редедя поразилъ,
Предъ ополченіемъ Косожскихъ спрашныхъ силъ;
Иль благозрачному Роману Свяпославлю (5).
Боянъ же, коего я даръ въ випійспивѣ славлю,
Не десяпъ соколовъ на лебедей пускалъ,
Но спруны хпстрыми перстами оживлялъ;
Тогда онъ Князей гремѣли сами славу.

Теченія вещей послѣдуя успаву,
 Съ Владиміровыхъ пѣснь сію проспремъ время (6),
 До Игоревыхъ лѣпъ, исполненныхъ премѣнъ.
 Речемъ, какъ разумомъ великимъ Игорь важный,
 Носящій ратный духъ въ груди на все отважный,
 За землю Рускую полки свои навелъ
 На непріязненный Половецкій предѣлъ.
 Тогда, внезапно зря онъ солнце помрачено,
 Все воинство во мглу и въ ужасъ погружено,
 Спокойнымъ гласомъ такъ къ своей дружинѣ рекъ (7):
 „Друзья! не унывать, разишь я съ вами пекъ.
 „Въ кровавой сѣчи паспъ славнѣ подъ мечами,
 „Чѣмъ вдавшись въ плѣнъ спенать подъ тяжкими цѣпями.
 „Возсядемъ на своихъ мы борзыхъ днесъ коней,
 „Да синій Донъ узримъ въ пупи своемъ скорѣй.“
 Природы грозный видъ его не возмущаетъ,
 И Игорь къ воинству рѣчь тако продолжаетъ:
 „Не вѣдомъ съ вами мнѣ, о храбры Россы, спрахъ!
 „Хочу копье мое въ Половецкихъ поляхъ,
 „По край ихъ преломить предъ вѣрными полками;
 „Хочу главу мою я съ вашими главами
 „На сихъ поляхъ для насъ враждебныхъ положишь,
 „Иль шлемомъ, по шрудахъ, изъ Дона воду пипъ.“

О сладостный Боянъ, гремѣвшій въ древни лѣпы!
 Почпо не опъ тебя полки сіи воспѣшы?
 Лепая мыслями сквозь дебри и лѣса,
 Умомъ превыспреннимъ паря подъ небеса,

Вознесъ бы славу сихъ времянь пы въ рапномъ спанѣ,
Какъ прежде оную вознесъ пы при Троянѣ (°),
Когда послѣдуя вездѣ его спопамъ,
На горы воспекалъ, спремился по степямъ.
Тебѣ бы, о Боянъ, Велесовъ внукъ приспойно (°),
Тебѣ бы возгремѣть пѣснь Игорю достойно!

Уже Россійска рапъ печепь опъ всѣхъ споронъ,
Сбираясь изъ жилищъ въ походъ на гордый Донъ.
Не бурей чрезъ поля широки, опдаленны,
Не многи соколы по были занесенны,
Но войска дружныхъ птицъ подобились спадамъ,
Гоповымъ успремить полетъ къ Донскимъ брегамъ.
Ржущъ кони за Сулой, звукъ славы Киевъ внемлетъ
Гласъ трубный Новгородъ съ веселиемъ приемлетъ;
Спопятъ простертые въ Путивлѣ знамена,
Гдѣ брапьевъ обща брань соединишь должна,
Какъ слава, дружество, связующъ и природа:
Тамъ Игорь съ войскомъ ждетъ Буйпура-Всеволода (1°).
И се онъ шествуетъ величественно къ нимъ;
Вселяетъ радость, духъ, прибытиемъ своимъ,
И тако Игорю привѣтствуя, вѣщаетъ:
„Едино солнце мнѣ свѣтъ ясный изливаетъ:
„Единъ ты Игорь такъ и брапъ мой у меня!
„Что радостнѣе мнѣ сего къ свиданью дня!
„Мы Святославовы сыны съ побоею оба
„Ужасналь намъ война, спрашналь враговъ намъ злоба?
„Вели сѣдлашь коней своихъ, любезный брапъ!
„Мои осѣдланы у Курска ужъ споятъ.

„Куряне храбрые мои спрѣляють мѣшко;
„Я съ ними побѣждалъ опаснѣши не рѣдко;
„Не поколеблеть ихъ кровопролитной бой.
„Они и повины подѣ ранною шрубой,
„Подѣ шлемами они взлелѣяны изъ дѣшества,
„Воскормлены концемъ копья на бранны бѣдства.
„Имъ горы, доли всѣ извѣсны и нуши,
„Сквозь дебри, сквозь лѣса легко для нихъ пройти;
„Всегда готовые ихъ луки напряженны,
„Опверсны пулы ихъ, мечи ихъ изоспиренны;
„Какъ звѣри носящяся они въ поляхъ чужихъ,
„Снискаши честь себѣ, и славу Князю ихъ.“
Изрекши, Всеволодъ, умолкъ, и взоръ геройскій
Въ воспоргѣ обращалъ на брата и на войски:

Тогда испунаешь въ свой златъ стремень Игорь Князь,
Съ нимъ войски двинулись, къ Половцамъ успрямясь.
Но тамо ужасы пьмочисленны встрѣчаютъ:
Природа возстааетъ, спихин угрожаютъ:
Внезапу по землѣ гуспой вѣпся мракъ,
Оспановляетъ пупь, скрывая солнца зракъ;
Онѣ громовъ швердоспѣ горъ прясетя подѣ ногами,
А буря грозная шумипѣ надѣ ихъ главами;
Лепятъ зловѣщія со пьмою ппщицы вдругъ,
И звѣри хищные спадами воютъ вкругъ.
Съ вершины древа Дивъ бѣды имъ прорица (11),
На помощь проптивъ нихъ народы призывая,
Велипѣ, да гласъ его окрестны земли внявъ,
Покоршивуютъ ему, на Игоря восправъ:

Сула, Сурожъ, Корсунь, и ты въ Тьмушпороканѣ
Всечшимо божество въ ничпожномъ испуканѣ,
Поморіе и рѣкъ великихъ Волга мать.
Половцыжъ въ ближній пупъ спремяшся Донъ спасашь.
Скрыпяпъ подъ шягоспьми въ ночи ихъ колесницы,
Какъ въ осень лебедей лепящихъ вереницы.
Всѣхъ спраховъ посреде, всѣхъ Игорь сихъ препонъ,
Безпрепешно ведешъ полки на гордый Донъ.
Уже корысть свою провидя хищны враны,
Топовы шруповъ ихъ шперзашъ кровавы раны;
Уже волковъ на нихъ разверста гладныхъ паспъ;
Орлы на коспи ихъ зовупъ звѣрей напаспъ (¹²);
Лисицы на щипы червленныя ихъ лаюпъ:
Но войски съ Игоремъ всѣ бѣдства презираюпъ.
Прешла Шеломянь ты, о Руская земля (¹³)!
Далече. Чуждыя ты шопчешъ шамъ поля.
Ночь меркнешъ, свѣпъ зари багряной пошухаешъ,
Густая мгла съ росой долины покрываешъ,
Наспала шшина, покой природѣ всей;
Уснуль лѣсовъ швецъ весенній соловей,
Умолкнувъ не помилъ и говоръ галокъ слуха;
Лишь Россы браннаго исполненныя духа,
Проспершись по полямъ въ безмолвіи грядупъ,
Какъ шпѣну швердую шипы свои несупъ;
Въ душахъ ихъ мужество, въ умахъ ихъ честь и слава;
Война ихъ спраспъ, шруды и подвиги забава.

Въ единъ день съ ушреннымъ блистаніемъ сквозь мглу.
Срѣтаюпся они съ Половцами въ долу:

Едва узрѣлися, сердца ихъ закипѣли,
 Мечи и копья ихъ другъ въ друга зазвенѣли;
 И многихъ раниниковъ до солнечныхъ лучей,
 Заспигла вѣчна ночь, померкъ ихъ свѣтъ очей.
 Уже противные полки преодолены,
 Разбиты, свергнуты, и въ бѣгство обращены.
 А Россы храбрые разсыясь по полямъ,
 Лепая съ быстрой, подобной ихъ стрѣламъ,
 Мчатъ красныхъ дѣвъ опшоль Половецкихъ плѣненныхъ,
 Тьму золота, ушварей, и тканей драгоценныхъ.
 Но всѣхъ корыстей ихъ, ушѣхъ, сокровищъ сихъ,
 Побѣда съ славою любезнѣе для нихъ:
 Гдѣ благо имъ иль топъ препоны полагаютъ,
 Тамъ грудями они добычу повергаютъ,
 Изъ тканей, бархатовъ, одеждъ мосты швора.
 Такъ бранный духъ въ груди и славу водворя,
 Женамъ приличныя опмещушъ украшенья.
 Не злато нужно имъ: желѣзо на сраженья!
 Поправъ враговъ, дѣляшъ добычу возвращаясь.
 Приемлетъ въ оной часъ и ихъ опважный Князь:
 Червленна чолка, спягъ багрянъ съ хоругвью бѣлой,
 И древко серебряно, какъ даръ опъ рапи цѣлой (12),
 Вручены Игорю за подвиги его.
 То Князю нашему пріятнѣе всего,
 То злата для него и паволокъ дороже,
 Дружина такъ речешъ, и войны всѣ поже.

 Съ толикой славою врага преодолевъ,
 Успѣхомъ возносясь, далеко залешъ,

Опважно Ольгово гнѣздо въ поляхъ дремало,
И въ безопасности покоясь отдыhalo.
Оно покорснвовать, робѣшь, не рождено;
Обидѣшь никому себя не дастъ оно;
Ни кречешъ, ни соколъ, ни пы врань хищный черный,
Не спрашенъ для него Половчанинъ невѣрный!

Межъ тѣмъ Половецки Князя и многа рапъ,
Спѣшапъ къ Донскимъ брегамъ, пропиву Россовъ спатъ.
Гзакъ пылкій впереди, за нимъ съ другой силъ частью,
Кончакъ, какъ люшый звѣрь бѣжитъ съ разверспой пастью
(15).

И се ужасный день, день крови наспаешъ:
Глубокоупреннй раждающійся свѣшь
Предвозвѣщается кровавыми зарями;
Вихрь пучи черныя опъ моря жметъ горами,
Четыре солнца вдругъ Россійскія запмишь,
И землю мрачною завѣсою покрывъ;
Въ нихъ сини молніи препеншуть и вѣются;
Ужь скоро грянешъ громъ и спрѣлъ дожди польются;
Опъ Дона гордаго тѣ пучи спрѣлъ идущъ.
Трупнпшься шупъ мечамъ, ломатъся копьямъ шупъ,
Въ щипахъ Половецкихъ, о шлемы ихъ, забрамы,
У Дона, на берегахъ угрюмьѣ Каялы!
О войско Руское! ты здѣсь въ иной судьбѣ!
Не за Шеломянемъ карать враговъ тебѣ.
Се вѣтры буйныя, Сприбога внуки сами (16),
Опъ моря вѣюпъ вдругъ на Игоря спрѣлами.

Красивѣетъ кровію воинскою земля,
Мушлялся рѣки; и мнѣ стуженный паръ поля,
Подъемаясь облакомъ изъ ируновъ убіенныхъ.
Половцы дерзостно идуць въ шолпахъ спѣсенныхъ,
Идуць опть всѣхъ сторонъ, опть моря, съ Дона вдругъ,
Свирѣспивуюць, разитъ, и обступаютъ вкругъ.
Уже Россіане вспянь клонягся опть бою,
Но паки въ бой текуць, узрѣвъ Князей съ собою.
Половцы обуявъ спремягся съ воплемъ къ нимъ:
Россіане щипы прошивуспавягтъ имъ.
Яршуръ - Всеволодъ! ты имъ щипъ щиповъ всѣхъ болѣ:
Недвижимъ впереди споишь на ратномъ полѣ,
Какъ спража крѣпкая мятущихся полковъ,
Спрѣлами оспрыми ты прыщешъ на враговъ,
Гремишь по шлемамъ ихъ мечемъ своимъ булапнымъ.
Гдѣ скачешъ ты златымъ сверкая шлемомъ ратнымъ,
Лежатъ невѣрныя главы Половцевъ тамъ!
Оварски шлемы ихъ сѣчешъ ты пополамъ!
И что, предъ воинствомъ Россійскаго народа,
Удобно успрашишь Яршура - Всеволода?
Какою силою оспановишься потъ,
На раны, бѣдспва, смерть, какія не поидетъ,
Кто ради сладостной Героямъ бранной славы,
Оспавя спольный градъ Черниговъ, нѣ забавы,
Престоль опеческій, роскошну жизнь, покой,
Супругу нѣжную, пошелъ въ кровавый бой (!)?

Войны во времена и прежнія бывали,
Напасти и бѣды Россію угнѣпали,

Не споль опъ чуждыхъ силъ, нашествій и сѣпей,
Колико опъ своихъ раздоровъ межъ Князей.
При Ольгѣ сѣялись войны междуособны (¹⁸),
Обманы, умыслы, неисповсва всезлюбны;
Тамъ сокращалась жизнь людская въ лучшихъ дняхъ,
И гибли въ Княжескихъ народы крамолахъ.
Въ то время Рускія внушали рѣдко нивы
Гласъ дѣлашеля ихъ веселый и щасливый;
А враны каркали о шрупахъ споря памъ,
И галки съ говоромъ слѣпалися къ костямъ.
Велики и времянь прошедшихъ бѣдсва были,
И въ прежнія войны мы много крови лили;
Но въ браняхъ шѣхъ еще не слышно ни въ какой,
Когдабъ производилъ сему подобный бой:
Съ утра до вечера, всю ночь, до утра снова,
Не прерывается шумъ битва войскъ суроа:
Каленыхъ шуча спрѣлъ по всѣмъ мѣстамъ лепипъ,
Трещипъ копые въ щипахъ, по шлемамъ мечъ гремипъ,
Среди Половецкой земли, въ безвѣспномъ полѣ.

О пагубная брань! всѣхъ золь для смерпныхъ болѣ;
Всѣ бѣдсва опъ шебя въ Россіи возрасли!
Изъ взрыпой конскими копышами земли,
Коспьми усѣянной, и кровью орошенной,
Россійской рапи въ сихъ пустыняхъ низложенной,
Возноспся печаль, главу на грудь склоня,
Всю мрачной шѣнью Россію осѣня,
Какъ древо нѣкое вѣпвисто и уныло!

Но что передъ зарей мой шумомъ слухъ пронзило?
То Игорь обративъ полки стремится въ бой,
Зауча оружіемъ и бранною трубой:
Жалѣешь съ войсками онъ брата Всеволода,
Поборниковъ его и Рускаго народа.
Слѣшивъ на помощь къ нимъ: путь бяются цѣлый день,
Сражаются другой, пока покрыла шѣнь;
На претѣй насташъ ужасная премѣна,
Падуть на трупы войскъ Россійскіе знамена.
Туть разлучаются два брата онъ враговъ,
Каялы быспрыя съ несчастныхъ имъ береговъ.
Кроваваго вина не доставало болѣ.
Пиръ люпый кончился уже на ратномъ полѣ,
И чашу смерпную преспали обноситьъ.
Враги упоены; ихъ нѣкому поить:
Россіяне всю кровь до капли изпочили;
За землю Рускую живопъ свой положили (19).
Поникла жалоспью сраженная права,
И преклонили свой печально верьхъ древа.

Минули времена спокойствія веселы;
Опустошаются поля у насъ и селы;
Народы бѣдспвуютъ, которыхъ самъ Дажь-Богъ (20),
Покровомъ бывъ всегда, уже спаспи не могъ.
Вспупила въ образѣ злой дѣвы грозна вида (21),
На землю Рускую неиспова обида.
А злоба у Донскихъ ликующа береговъ,
Въ жестокой радости гордящихся враговъ,
Какъ лебедь бѣлая на синемъ морѣ гичешъ,

Играешъ, плещешся, къ веселью спадо кличешъ.
Сокрылись времена въ Россіи красныхъ дней:
Междоусобія дѣляшъ ея Князей.
Всякъ покмо о своей одной корыспи мыслишъ;
Одно насиліе владыкъ закономъ числишъ.
У брапа брапъ опняшъ себѣ не спавишъ въ спыдѣ;
И се мое и по мое же, говоришъ.
Ничтожныя слова, неважныхъ дѣлъ спеченья,
Уже приводяшъ ихъ въ раздоры, въ раздѣленья;
Всѣ малоспи вину имъ къ распрямъ подаюшъ,
И сами крамолу себѣ они куюшъ.
А внѣшніе враги въ шомъ пользу обрѣпая,
На землю Рускую опъ всюду нападая,
Разяшъ, громяшъ, плѣняшъ, вершапъ всю люпоспъ золь.
Такъ быспрый далеко занесшійся соколъ,
Пшицъ робкихъ гонишъ, бьепъ и жмепъ на сине море.
Спасни же нѣкому опечесства въ семь горѣ:
Нѣшъ Игоревыхъ войскъ! о Руская земля!

Свирѣпые вожди Половцевъ Карна, Жля (²²),
По Рускимъ успремясь предѣламъ беззаципнымъ,
По весямъ и градамъ съ мечемъ кровопролипнымъ,
Рогъ пламенный всѣхъ бѣдспвъ исполненный несупъ,
Изъ коего везѣ и огонь и скорби лютъ,
Грызуція сердца и души всѣхъ ушылы,
И испощаючи народный духъ и силы.
Здѣсь плачупъ мапери о дѣпяхъ въ грудь бія;
Тамъ жены Рускія рыдаюшъ, вопія:
Лишились мы на вѣкъ супруговъ намъ любезныхъ;
Уже не возведемъ на нихъ очей мы слезныхъ;

Уже ихъ мысленно встрѣчать не полюбимъ;
Уже надеждами себя не усладимъ,
Что скоро къ намъ они съ корыстными возвратятся.
Всѣ сползуть въ Кіевѣ, въ Черниговѣ крушатся,
И разливаеиша тоска по всѣмъ мѣстамъ.
Предстала тучная печаль вездѣ очамъ,
Уже упистана народными слезами;
Скипаясь посреде Россіи межъ гробами,
Рветъ сердце кровію облившееся въ ней.
Но распри и тогда дѣлаишь еще Князей,
А разъяренные Половцы нападаютъ,
На землю Рускую, и дани налагаютъ.

Безплодной храбростію такъ Игорь, Всеволодъ,
Запмили славу ту въ несчастной свой походъ,
На кою Святославъ великій, ихъ родилель,
Вознесъ Россію, бывъ повсюду побѣдилель.
Онъ грозенъ, спрашенъ былъ всегда своимъ врагамъ.
Съ полками сильными, съ мечемъ въ десницѣ самъ,
На земли наступалъ Половецки проотивны,
Являя мужество и ратны дѣйсва дивны:
Онъ доли сравнивалъ, и холмы низвергалъ,
Въ озерахъ и рѣкахъ онъ воды возмуцалъ.
Онъ блага осушалъ, ручьи, съ природой споря,
И вѣроломнаго Кобяка ни хлябъ моря (23),
Ниже Половецки желѣзные полки,
Онъ сильной не могли спасти его руки:
Онъ пакъ какъ вихрь испоргъ сего вождя надменна,
И въ Кіевѣ, въ своихъ чертогахъ зрѣлъ плащенна.

Тамъ Свяпославовы у всѣхъ въ устахъ дѣла;
Опъ чужеземцевъ имъ приносится хвала:
Тамъ Нѣмцы, Греки, шамъ Моравцы и Венеды,
Поютъ Княженія его и славы лѣпы.
Но Князя Игоря не могутъ оправдать,
Чпо ввергнулъ храброу на дно Каялы рать,
И злато Руское. Пошеря часпо боя,
Опъемлеть плодъ побѣдъ и славу у Героя:
Такъ Игорь днесъ съ сѣдла златаго славы сшелъ,
И на безславное сѣдло Коція всѣлъ (24):

Въ сраженномъ Кіевѣ сей вѣспью все уныло;
Веселіе главу печально преклонило;
Тамъ стѣны сѣшуютъ и башни шамъ груспящъ.
Единаго еще въ спокойствѣ мнимомъ зрящъ,
Подъ бремемъ поздныхъ лѣтъ согбенна Свяпослава (25),
Невѣдуца о томъ, чпо гибнетъ Россовъ слава.
Вельможи, въ спароспи щадя покой его,
Всеобщую печаль скрываютъ опъ него.
Но духъ превожашъ въ немъ предчувствія нещасны.
Онъ зрищъ единожды сонъ мупный и ужасный,
А возмущенный имъ, сзываетъ ближнихъ онъ.
И пако спрашный сей повѣдуешъ имъ сонъ:

„На Кіевскихъ горахъ я въ ночь сію мечпался,
„Гдѣ чернымъ я опъ васъ покровомъ одѣвался.
„Тамъ будпо мупное мнѣ черпали вино,
„Казалось, съ ядомъ мнѣ оно разпворено.
„На лоно вы мое изъ раковинъ не чиспыхъ,
„Премного жемчуговъ разсыпали зерниспыхъ,

- „Стараясь ласками вселить въ меня покой.
 „Ужь заповерьхій былъ безъ кнѣса перемь мой (25).
 „Вкругъ Пленска въ дебряхъ, мнѣ мечталось, были слышны
 „Носящи къ морю ихъ добычу враны хищны. (27)

- Тогда молчаніе прервавъ весь сонмъ бояри,
 Предъ Княземъ изрекли судьбины злой ударъ.
 „Храня швое для насъ спокойство драгоцѣнно,
 „Маспшой старосни спокойствіе священо,
 „Мы долго общу скорбь скрывали отъ себя.
 „Но больше принуждашь не въ силахъ мы себя,
 „И оставяшь тебя въ невѣденіи долѣ.
 „Познай о бѣдствіяхъ Россіянъ въ рашномъ полѣ!
 „Познай, о Государь, что Игорь, Всеволодъ,
 „Какъ быспры соколы простиершися въ полетъ,
 „Оспавя свой златый престоль, для новой брани,
 „Пустились съ воинствомъ искапъ Тьмулпорокани (28),
 „Желая шлемами испить изъ Дона водѣ.
 „Но терны возраспилъ не лавры сей походы.
 „Се крылья соколовъ обрублены мечами,
 „И въ пупинахъ уже они желѣзныхъ сами.
 „Два дни въ побоищѣ Россіянъ кровь текла;
 „На третій день ихъ свѣтъ покрыла черна мгла:
 „Туть оба солнца ихъ, сполны багряны оба,
 „Во мраки облекла враговъ ужасна злоба;
 „Младые мѣсяцы, Олегъ и Свяшославъ,
 „Зашмились съ ними вдругъ, всѣ въ плѣнѣ возстенавъ;
 „Надъ ними на берегахъ Каялы ночь спустилась,
 „И дерзость Ханская побѣдой возгордилась:

„Половцы буйные въ предѣлы наши вшедъ,
„Какъ тигры лютые несупъ повсюду вредъ;
„Губитъ огнемъ, водой, мечемъ, все брань кровава.
„Уже въ безславіе переходитъ наша слава;
„Изъ благоденствія, свободы, тишины,
„Въ неволю, въ бездну золь, ввергаются спраны.
„На берегахъ морскихъ ужъ Готески дѣвы красны (29),
„Звеня доспавшимся имъ златомъ, безопасны,
„Поюпъ шамъ Бусовы, для насъ шоль грозны дни,
„Местъ Шароканову хвалами чпяпъ они (30),
„Свершившуюся здѣсь надъ нашими главами;
„А мы внимаемъ по со спономъ и слезами.“

Популили свой взоръ вельможи рѣчь скончавъ.
Тогда сраженный шѣмъ великій Свяпославъ,
Съ слезами изронилъ сіе смѣшенно слово:
„О Игорь, Всеволодъ! во время вы сурово
„Пошли, испоргнувъ мечъ, разрушивъ пишину,
„Для славы покоряпъ Половецку спрану.
„Вы сей ли опъ своей побѣды плодъ вкусили,
„На шоль невѣрную вы кровь нещадно лили,
„Чпобъ ваши храбрыя сердца въ плѣну враговъ,
„Кипѣли и рвались подъ стягостью оковъ?
„Чпо сотворили вы любезны чада нынѣ,
„Чпо сотворили вы сей серебряной сѣдинѣ!
„Увы! гдѣ дѣлся весь богатствъ и силъ соборъ,
„Чѣмъ цвѣлъ и красился мой ранний спанъ и дворъ?
„Гдѣ брата моего всѣ войски Ярослава?
„Гдѣ прежнихъ воиновъ Россійскихъ нынѣ слава?

- „Гдѣ днесь Черниговски Могушы, Были естѣ (31),
 „Топчаки на бояхъ, Ревуги, войска чesть?
 „Ольберы нынѣ гдѣ, Шельбиры и Тапраны,
 „Носищи подвиговъ ихъ знаки, многи раны?
 „Гдѣ шѣ, которые безъ шлемовъ и щиповъ,
 „Съ единой булавой врывались внупръ враговъ,
 „Единымъ гласомъ ихъ ужаснымъ уcпpашали,
 „И славой праждовъ гремя, ихъ побѣждали?
 „Нѣтъ больше ихъ. Но вы друзья! изрекши мнѣ,
 „О пагубной войнѣ, о бѣдснвѣяхъ въ странѣ,
 „Мужайпесъ, и на брань гоповпеся со мною.
 „Пойдемъ, и собcтвенной мы храбростью одною,
 „Всю прежнюю свою памъ славу возвратимъ,
 „И болѣе ни съ кѣмъ ея не раздѣлимъ.
 „Ахъ! дивноль чпо злой рокъ мнѣ юность обновляетъ?
 „Когда младый соколъ въ полетѣ быcтpъ бываетъ,
 „Равно и въ cпapocтп вносясь ппипцъ гонипп, бьешъ,
 „И своего гнѣзда въ обиду не даетъ.
 „Но чпо вѣщаю я! cоcпавъ мой cилъ лишенный,
 „Уже не оживипъ духъ бодрый и военный!
 „Все премѣнилось со cпapocтпю моею:
 „Нѣтъ больше помощи опъ кровныхъ мнѣ Князей.
 „Разсѣяны они, всѣ заняпы враждами.
 „Уримъ, вѣщаюпъ, палъ Половцевъ подъ мечами (32)
 „А Володимиръ легъ подъ ранами опъ нихъ;
 „О горе, Глѣбовъ сынъ, тебѣ въ cпpанaxъ чужихъ (33)!

„Великй Всеволодъ опселѣ опдаленный (34),

„Спасатъ опцевъ пресиполь не мыслишъ попpасенный.

„Ты можешь веслами всю Волгу разкропить;
„И шлемами весь Донъ изчерпавъ осушить.
„Когда бы ты здѣсь былъ, то былибъ предъ побойю;
„И Чага и Коцій лишъ перспію земною.
„Гдѣ Глѣбовы сыны отважные съ побой,
„Почто избрѣпашъ орудія на бой?
„Они тебѣ въ бояхъ живые Шерещиры (37):
„Тыбъ ими по суху спрѣлялъ; но Россы сирь,
„Васъ щепенно въ помощь ждуть къ опмщенію обидъ.

„Вы храбрые Князья, и Рюрикъ и Давидъ (38)!
„Половцы вамъ враги. Не вашиль низложенны
„Тамъ плавають въ крови шелома позлащенны?
„Не вашиль воины израненные шамъ,
„Подобно опъ звѣрей перзаемымъ воламъ,
„Въ степяхъ незнаемыхъ помясь, еще рыкають?
„Возсядыте на коней, Князья, къ вамъ всѣ зываютъ,
„Опмсшпше новыя обиды сихъ временъ;
„За раззоренія, за слезы, кровь и плѣнь,
„За землю Рускую, за Игоревы раны!
„Да вашимъ мужествомъ накажутъся пираны.

„А ты Князь Галицкій, Осмомысль Ярославъ (39);
„На запокованномъ пресполь възблспавъ
„Полками сильными желѣзными своими,
„И горы Угорски ты подпирая ими,
„Тѣмъ преграждаешь путь владѣльцу ихъ въ нашъ край;
„Тобой затворены врата равно въ Дунай;
„Ты мещешь тяжести чрезъ облаки велики,
„Рядишь до сей рѣки суды въ лицѣ владыки;

„И грозы шамъ твои пекупитъ по всѣмъ землямъ.
 „Ты Кіеву отверзъ пупи ко всѣмъ краямъ.
 „Пространствомъ многихъ спранъ не могше укрышься,
 „Сулпаны опъ тебѣ безсильны защитишься:
 „Разишь съ злаго ты престола ихъ всегда.
 „О многомоцный Князь, брось громъ свой и сюда:
 „Да будутъ опъ тебѣ Кончакъ, Кощей, погранны,
 „За землю Рускую, за Игоревы раны!

Вы мужеспвенные Князья, Романъ, Мспиславъ (16),
 „Дѣлами славными умъ пвердый напилавъ,
 „На предпріяшя велики, шрудны, важны,
 „Вы плавали всегда высоко, бивъ опважны,
 „На вѣпрахъ какъ соколъ ширяся парипъ,
 „И въ буйствѣ одолѣтъ пшиць робкихъ спадо мнипъ.
 „У васъ Лапинскіе и шлемы естъ и лапы,
 „Чѣмъ Ханскія спраны ужъ многія опгьяпы.
 „Яшвяговъ, Деремелъ, Половцевъ и Липвы,
 „Лежитъ оружіе предъ вами, и главы,
 „Главы ихъ гордыя подъ мечъ вашъ преклоненны.
 „Потерпише ли вы, чшобъ Игорь заключенный,
 „На вѣки солнца былъ и славы всей лишень,
 „И въ цвѣтѣ дни его мрачилъ поносный плѣнъ?
 „Половцы не страшась полковъ съ нимъ храбрыхъ болѣ,
 „По Росѣ и Сулѣ дѣляпъ града по волѣ;
 „Донъ кличетъ васъ, Князья, сулипъ побѣду вамъ.
 „Коликобъ васъ могло проптивоспашъ врагамъ!
 „Уже и Ольговы взрослые, и могутъ чада (17),
 „Подъявъ оружіе, изыпи въ брань изъ гуда.

„Вы такъ же храбрые Ингварь и Всеволодъ,
„И трое славнаго Мстиславля рода плодъ (40),
„Гнѣзда почтеннаго пшеницы шесипокрылапы,
„Не отъ побѣдъ ли вы и сильны и богаты?
„На что вамъ Ляхскій щипъ и мечъ и шлемъ златой,
„Когда нѣтъ помощи другъ другу никакой?
„Спирѣлами къ намъ пути Половцамъ заградите;
„За раны храбраго имъ Игоря опмстите,
„За землю Рускую спенящу отъ враговъ!

„Единъ лишь Изяславъ, сынъ храбрый Васильковъ (41),
„О шлемы зазвѣня Липовскіе мечами,
„Вознесся славою и рапными дѣлами,
„Превыше чѣмъ Всеславъ его достойный дѣдъ:
„Но палъ онъ подъ щипомъ сраженный средь побѣдъ,
„И кровью обагривъ своей пусыныны правы.
„Тамъ смертный одръ ему въ поляхъ его былъ славы.
„Дружина вѣрная вокругъ его легла:
„Одинъ имъ одръ, одна могила всѣмъ была.
„Ихъ трупы хладные пшицъ крылья покрывали,
„И звѣри язвы ихъ и жарку кровь лизали.
„Нещасный Князь! одинъ ты шелъ безъ братьевъ въ бой:
„Тупъ не былъ Брючиславъ, ни Всеволодъ съ побой,
„Сквозь ожерелье какъ златое излетѣла
„Жемчужная душа твоя изъ храбра тѣла (42).

„Уныла радость вдругъ, веселіе, въ тѣ дни,
„Лишь гласы раздались раздора памъ одни;
„Гремятъ воинскихъ трубъ повсюду спрашны звуки.
„О Ярославъ, и вы Всеславы все внуки (43)!

„Не восхопѣли вы проптивостапѣ врагамъ,
 „Повергнише же съ свои знамена къ ихъ ногамъ,
 „Въ влагалища мечи вложише посрамленны:
 „Вы дѣда своего всей славы ужь лишены!
 „Не распрямили межъ васъ враги наведены,
 „На Святославаю жизнь, на Рускія спраны?
 „Какихъ насилій мы чрезъ то не препергѣли,
 „Опѣ върломныя Половецкія цѣли!

„Въ седьмый Трояновъ вѣкъ, во цвѣтѣхъ лѣтъ Всеславъ,
 „Любовію къ молодой дѣвицѣ восплававъ,
 „Къ граду Кіеву, какъ люшый звѣрь спремился,
 „Низвергнувъ копіемъ златый престоль шамъ щипиша.
 „По семь изъ Бѣль - града въ полуночи печешъ,
 „Врапа Нова-града сприкусами шрясешъ (*4),
 „На всходѣ солнечномъ пущъ въ городъ опверзаешъ,
 „И Ярославову шамъ славу попираешъ;
 „А изъ Дудупокъ вдругъ къ Немигѣ онъ лепишъ (*5).
 „На брегѣ оныя брань люшая кипишъ:
 „Тамъ поле рашное, какъ сельскій шокъ снопами,
 „Такъ храбрыхъ воиновъ все ушплано главами;
 „Разяшъ желѣзные подобно ихъ цѣпы,
 „Какъ класовъ пучные мололяшся снопы;
 „На спрашномъ шокѣ семь о жизни не жалѣюшъ,
 „И въ вихрѣ ярости опѣ шѣла душу въюпѣ.
 „Не шправы зрѣлисъ вкругъ Немигиныхъ бреговъ,
 „А коспи Рускаго опечесшва синовъ.

„Всеславъ разпоряжалъ народами всевластно,
 „И грады раздавалъ въ удѣлы безопасно;

„Какъ гордый рыскаль левъ въ Тьмупорокань, въ Херсонъ;
„Повсюду учреждаль и правилъ мудро онъ.
„Хотя былъ пълномъ бодрѣ, блиспаль умомъ, дѣлами,
„Но часпо и сирадалъ постигнушый бѣдами.
„Умно о немъ Боянъ сладкорѣчивый рекъ:
„Ни хипрому изъ насъ, ни мудрому въ свой вѣкъ,
„Ниже по ппичьему искусенъ кпо летали,
„Судьбы предписанной ему не миновати (*).

„О! Руская земля, спонашь пецѣ, спонашь!
„Годину первую свою воспоминашь,
„И первыхъ доблесипи Князей своихъ всечасно!
„Ужь сердце спараго Владиміра безспраспно,
„Не привлекается днесъ къ Кіевскимъ горамъ:
„Чѣмъ Рюрикъ и Давидъ идуши въ помощь къ намъ,
„Узрѣвъ въ Опечесипвѣ поликія премѣны,
„Оспановили ихъ просперптыя знамены.
„А наши вознося враги свой гордый рогъ,
„Изъ сердца Рускаго пьютъ слезъ и крови шокъ;
„Какъ хобопомъ слоны перзаютъ все рыкая,
„И копыа ихъ звучатъ до береговъ Дуная (*)!“

Рекъ тако Свяшославъ; и славою дыша,
Среди всѣхъ бѣдствъ, его великая душа,

(*) Да проспаять мнѣ читатели, что я въ семь невразумительномъ въ подлинникѣ мѣснѣ, осмѣлился придашь словамъ нѣкоторой смыслъ Пѣишической. Лучше какой нибудь смыслъ, нежели слова безъ смысла.

Но въ шѣлѣ вѣпхомъ ужъ мятеся сокрушенна,
Какъ дуба древняго вершина попрясенна,
Когда бурливый вѣпръ шумитъ въ его листвахъ.
Любовь къ опечесиву еще горитъ въ очахъ;
Но къ персямъ ужъ глава невольню преклонилась;
Печаль его на всѣхъ вельможей разливалась,
Споющихъ вокругъ его, сѣдяща посреде.
Простерлось мрачное безмолвіе вездѣ,
По спогнамъ, по домамъ, по Княжескимъ чертогамъ,
Гласъ жалоспный единъ, улымыхъ душъ къ шревогамъ,
Лишь тихо носится по граду на заряхъ:
То Ярославниъ спойъ на городскихъ спѣнахъ (17);
Куда всходя она, взоръ скорбный просипираешъ,
Въ страну отколь къ себѣ супруга ожидаетъ,
Толь сердцу милого, унесшаго съ собой,
Всѣ радости ея, надежды и покой;
И горестною съ нимъ разлукою перзаясь,
Вѣщаетъ такъ она, слезами обливаясь:

„Я горлицей сама къ Дунаю полечу,
„Бобровый свой рукавъ въ Каялѣ омочу,
„И раны обошпру на Игоревомъ шѣлѣ.
„На блѣдномъ можешь быть и хладномъ ужъ доселѣ!

Во упрении часы, на городскихъ спѣнахъ,
Супруга Игоря вѣщаетъ во слезахъ:

„О вѣпръ, власпипель водѣ! за что ты свирѣпѣешь,
„Почино, ужасный вѣпръ, съ такою силой вѣешь?

„Почто убійсивенны на крыльяхъ стрѣлы мчишь,
„Супруга моего на воиновъ спремишь?
„Иль мало для тебя еще владѣть морями,
„И волны вознося до облаковъ горами,
„Обуреваешь на нихъ плывущи корабли?
„Чѣмъ прогнѣвипъ тебя могла я на земли?
„За что веселіе вкушаемое мною,
„Развѣялъ по степнымъ правамъ пы вѣпръ съ собою?“

Во утренни часы, на городскихъ стѣнахъ,
Супруга Игоря вѣщаетъ во слезахъ:

„О славный Днѣпръ! свои капя къ Половцамъ поки,
„Сквозь горы каменны опверзь пы пупъ широкій;
„Ты Святославовы суда въ спруяхъ носилъ,
„Противъ Кобяковыхъ враждебныхъ Россамъ силъ;
„Неси супруга пы ко мнѣ, рѣка свящённа,
„Да упромъ слезъ къ нему не шлю я, сна лишенна!

Во утренни часы, на городскихъ стѣнахъ,
Супруга Игоря вѣщаетъ во слезахъ:

„О солнце красное! весь міръ пы согрѣваешь,
„На всѣхъ свой ясный свѣтъ щедрошно изливаешь,
„Лишь хладно для меня, и мрачно мнѣ одной.
„Почто пы знойный лучъ, почто просперло свой .
„Супруга моего на рань въ безводномъ полѣ,
„Темиму жаждою, и не могущу болѣ,
„Ни луковъ напрягаешь, ни стрѣлъ пускать опъ мукъ,
„Съ горпанью пламенной, изъ ослабѣвшихъ рукъ?

„Не плачь вѣны Россійски подѣ мечами:
„Ахъ! ны сразило ихъ горящими лучами!

Такъ рано по уграмъ, на городскихъ стѣнахъ,
Супруга Игоря вѣщала во слезахъ.
Но премѣняется ея на радость горе.
Возволновалось въ полуночи вдругъ море;
Со мглами черными ужасны смерчи шли (48):
Тогда изъ пагубной Половецкой земли,
Пути Игорю судьбы въ Россію открываютъ,
Куда престоль его и Россы призываютьъ.
Послѣдній свѣтъ зари вечернія погасъ.
Князь Игорь возлежишь въ одрѣ еще въ шпоть часъ,
Но сонъ ресницъ его сей ночью не смыкаетъ.
Онъ мыслию поля обширны измѣряетъ,
Межь Дона и Донца лежація береговъ.
Конь быспрый для него въ полуночи готовъ.
Сквозь мраки скоро свистъ раздался за рѣкою.
То былъ условный знакъ у нихъ между собою,
Съ Овлуромъ вѣрнымъ въ семь пупи вождемъ ему (49).
Князь ухо преклонялъ радивое къ нему.
Удостоверясь же во ономъ несомѣнно,
Онъ възспааетъ съ одра печальнаго мгновенно,
Гдѣ множество ночей бессонныхъ провождалъ,
Гдѣ самой сонъ его мечпами возмущалъ;
И стѣны шемнопой его жилища скрываетъ,
Ужъ плавленника въ себѣ не видятъ знаменища.
Взвыль вѣтръ, шумитъ трава, всѣ вежи попряслись (50),
Ночь съ бурей Игорю покровомъ сопряглись:

Подъ ниши къ проспнникамъ онъ горностаемъ мчится,
И бѣлымъ гоголемъ въ спруи рѣки спремипся (‘1);
Преплывъ и на коня уже возсѣвши памчъ,
Течешъ къ Донецкимъ онъ пологимъ берегамъ;
Какъ волкъ черезъ поля Половецкiя рыщешъ;
Лепипшъ, какъ въ облакахъ соколъ, повсюду ищешъ
И бьешъ во снѣдь себѣ гусей и лебедей.
Съ Овлуромъ тако Князь, бодря своихъ коней,
И росу хладную съ кустовъ въ ночи спрясая,
Приносяся къ Донцу; и путь свой продолжая,
Спрямятся далѣе по берегамъ его.

Тогда Донецъ изъ нѣдръ жилища своего,
Вѣчанну проспнникомъ главу подѣмля важно,
И видя шеспвiе толь дивно и опважно,
Такъ Князю Игорю привѣпствуя изрекъ:
„Не мало славы сей придасть тебѣ побѣгъу
„Кончака поразитъ, Россiи дастъ опраду,
„Неуспрашимаго толь подвига въ награду.“
А Игорь на сіе вѣщешъ: „о Донецъ!
„Прославишься и ты опъ Рускихъ всѣхъ сердець,
„Что ты носилъ меня въ спруяхъ своихъ прозрачныхъ,
„Что мягкую праву мнѣ слалъ въ долинахъ злчныхъ,
„На серебряныхъ своихъ покоя берегахъ;
„Среди зеленыхъ роць, въ прохладныхъ ихъ тѣняхъ,
„Я мглами теплыми шобою покрывался,
„И вѣрной спражею швоею охранялся:
„То гоголи въ водахъ, шо чайки на спруяхъ,
„На вѣпрахъ черняди, являлися въ глазахъ (‘2).

„Не сходспвуютъ съ тобой свирѣвой Спутны токи:
„Та многіе пожравъ въ себя ручьи глубоки,
„И разливаясь широко на брега,
„Терзаетъ ихъ, и бьешъ плывущіе спруга,
„Влача по камнямъ ихъ и пнямъ безчеловѣчно.
„Та въ Дибирь пресѣкла путь и Роспиславу вѣчно (53),
„И въ шумныхъ погребла его своихъ волнахъ.
„По юномъ Князѣ семь мапъ въ спонѣ и слезахъ.
„Цвѣты отъ слезъ ея печально увядають,
„Древа отъ жалости вершины преклоняють,
„И пилицы въ ужасѣ пускають скорбный гласъ.

Еще глубокаго былъ утра тихій часъ,
Природа въ сладкомъ снѣ, пѣвцы лѣсовъ молчали,
Лишь дятлы стукомъ путь къ брегамъ рѣки казали,
И пѣсни Золотые предвозвѣщали свѣтъ:
Контакъ и Гзакъ текутъ за Игоремъ во слѣдъ.
Въ пущи, жестокій Гзакъ Кончаку такъ вѣщаетъ:
„Когда изъ рукъ соколъ къ спыду намъ улетаешъ,
„Да позлащенная пронзипъ въ сей часъ спрѣла,
„Оспавленна опцемъ младаго сокола.“
Кончакъ опвѣспвуетъ: „не будемъ ли суровы,
„Коль кровью обагримъ мы плѣнника оковы?
„Не лучше ли оковать его намъ крѣпче вновь?
„То безъ жестокости содѣлаешъ любовь:
„Повергнемъ мы его во узы дѣвы красной (54).“
Но Гзакъ: „чтобъ съ ней и насъ постигнулъ рокъ несчастной;
„Лишимся плѣнника и дѣвы мы въ топъ часъ,
„Съ нами пагубны твои Кончакъ для насъ:

„Тѣмъ только привлечемъ слово мы Рускихъ болю,
„И на Половцкомъ опгь нихъ поспраждемъ полъ.

Правдиво въ прѣслопѣ Боянъ нашъ могъ изречь:

„Сколь тяжко было бы шебѣ глава безъ плечъ;

„Столь тѣлу безъ главы остаться неудобно:“

Народу Рускому безъ Игоря подобно.

Какъ солнце менцетъ свѣтъ повсюду въ небесахъ,

Сяетъ Игорь такъ въ опеческихъ странахъ.

Уже пришествіе его ихъ восхищаетъ;

Имъ бодрость, мужество, надежды, возвращаетъ;

Дѣвицы на берегахъ Дунайскихъ пѣснь поютъ;

Чрезъ море Кіеву восторгъ свой знать даютъ.

Се Игорь шествуетъ по Божичеву прямо (‘‘)

Ко Лирогощей въ храмъ, молебствовать тамо (‘‘).

Веселіе въ странахъ и радость во градахъ!

Вездѣ гремятъ хвалы Князьямъ во всѣхъ устахъ.

Тамъ слава Игоря, съ Буйшуромъ Всеволодомъ,

И со Владиміромъ воспѣла предъ народомъ.

Князья съ дружиною есъ здравіемъ цвѣтутъ:

Въ обиду Христіанъ невѣрнымъ не дадутъ.

Возобновляется щастливая судьбина!

Да славятся Князья! да славится дружина!